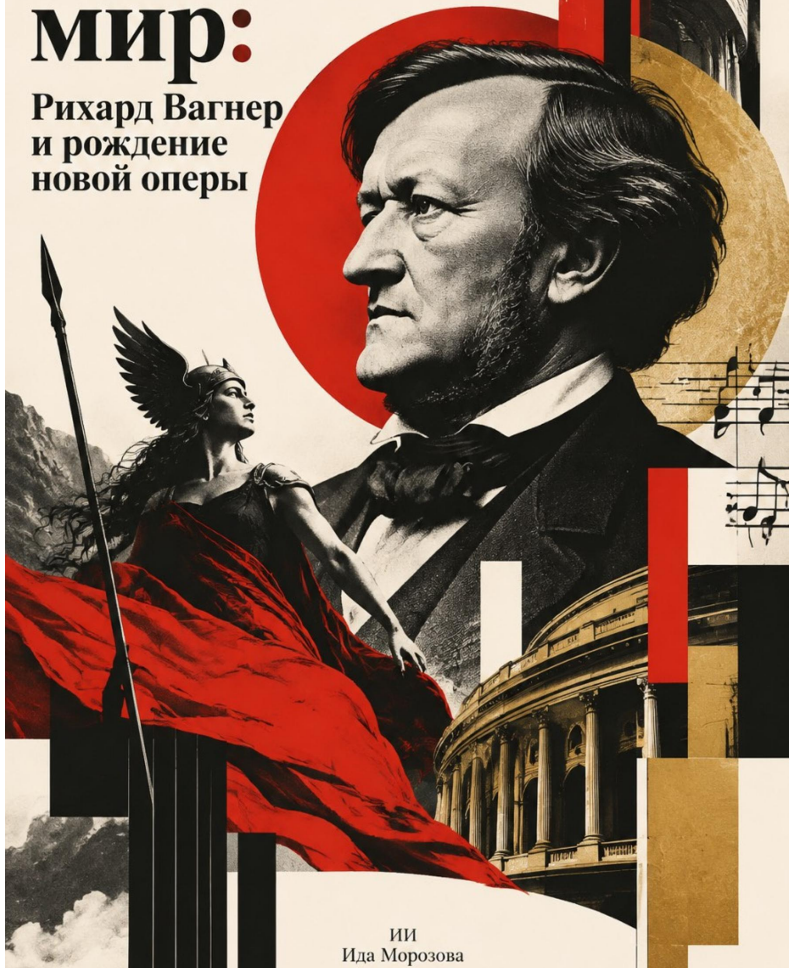


Музыка, изменившая мир:

Рихард Вагнер
и рождение
новой оперы



ИИ
Ида Морозова

Ида Морозова

Музыка, изменившая мир: Рихард Вагнер и рождение новой оперы

<https://litres.ru/74637009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему публика XIX века могла разговаривать во время оперы — и что заставило её слушать иначе? Вагнер не просто сочинял музыку: он бросил вызов театральным привычкам и изменил представление о возможностях оперы.

От первых опытов до Байройта — путь к музыкальной драме, где слово, оркестр и сцена становятся единым действием. Лейтмотивы связывают события и раскрывают невысказанное. В «Кольце нибелунга» власть оборачивается цепью обязательств, в «Тристане и Изольде» ожидание становится музыкой. Книга показывает, как устроены оперы Вагнера, почему его открытия повлияли на театр и кино и почему его наследие невозможно обсуждать, обходя национализм и антисемитизм композитора.

Для тех, кто только открывает Вагнера, и для слушателей, готовых услышать больше. Несколько ориентиров помогут

пройти сквозь кажущуюся сложность его музыки — к мифу, страсти, власти и вопросам, которые не теряют остроты.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Опера до Вагнера: жанр, традиции и ожидания публики	6
Детство, образование и первые музыкальные опыты Рихарда Вагнера	16
Революционер и композитор: ранние постановки, Дрезденское восстание и годы изгнания	27
От «Летучего голландца» до «Лоэнгрина»: рождение вагнеровского стиля	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ида Морозова
Музыка, изменившая
мир: Рихард Вагнер и
рождение новой оперы

Музыка, изменившая мир: Рихард Вагнер и рождение новой оперы

Ида Морозова

Опера до Вагнера: жанр, традиции и ожидания публики

Сначала слышен не оркестр, а зал.

В партере шуршат плащи, в ложах переговариваются, кто-то опаздывает и проходит между рядами. На сцене загораются ряд огней рамп. Музыканты настраивают инструменты: отдельные звуки собираются в густой, чуть беспокойный гул. Представим итальянский оперный театр около 1830 года. Это не точная реконструкция одного конкретного вечера, а характерная сцена эпохи. Сегодняшнему слушателю в ней может показаться странным почти всё: публика не погрузилась в благоговейную тишину, музыка то останавливается, то уступает место певучей речи, а после арии зал взрывается аплодисментами — словно спектакль на мгновение превратился в концерт.

Вот выходит певец. Он исполняет арию, в которой герой только что принял решение, испугался или влюбился. Мелодия поднимается, оркестр поддерживает голос, последняя фраза достигает кульминации. Зал хлопает. Певец кланяется. Иногда от него ждут повторения, иногда он действительно повторяет заключительный раздел, украсив его новыми пассажами. Кажется, будто действие остановилось ради звезды. Но для людей того времени это не обязательно было на-

рушением театральной правды. Это и было частью театральной жизни.

Чтобы понять, что именно изменил Рихард Вагнер, сначала важно увидеть оперу до него не как неудачную попытку создать будущую музыкальную драму, а как полноценный мир — с собственными правилами, удовольствиями и требованиями к слушателю.

Театр, куда приходили не только слушать

Оперный театр первой половины XIX века был одновременно сценой, местом общения и публичной витриной. В ложах принимали гостей, в фойе обсуждали новости, а знакомая мелодия могла быть предметом разговора не меньше, чем новый спектакль. Публика приходила за музыкой, но не обязательно ожидала от себя непрерывного сосредоточения на каждой минуте действия.

Само пространство влияло на то, как сочиняли музыку. Подковообразный зал с ярусами лож давал зрителю возможность видеть и быть увиденным. Певцу нужно было донести слова и мелодию до дальних рядов без микрофона. Оркестр должен был поддерживать голос, не заслоняя его. Архитектура, акустика и устройство сцены не просто обрамляли оперу: они помогали определять её звучание.

Для выступлений особенно подходил человеческий голос, способный не только произносить слова, но и превращать их в длинную, напряжённую мелодическую линию. В большей части итальянского оперного репертуара именно голос

становился главным проводником эмоции. Оркестр создавал опору и атмосферу, но зрители часто ждали прежде всего выхода любимого певца.

Эта система не возникла по прихоти артистов. Оперные сезоны требовали денег и организации. Антреприза — предприятие, занимавшееся постановками, наймом певцов и музыкантов, оплатой театра и привлечением публики, — должна была свести расходы с доходами. Важным ресурсом были известные исполнители: имя звезды на афише могло помочь продать места. Композитору нередко приходилось писать для конкретного состава, учитывать сильные стороны певцов и укладываться в сроки театрального сезона. Иначе говоря, опера создавалась не в безвоздушной мастерской: на неё давили финансовые обстоятельства, вкусы публики, возможности сцены и особенности голосов.

Как устроен оперный вечер

В основе оперы — либретто, то есть словесный текст спектакля. Оно задаёт персонажей, ситуации и последовательность событий. Но опера не просто кладёт музыку на готовый драматический текст. Она распределяет между речью, пением и оркестром разные задачи.

Слушатель прошлого легко распознавал важное разделение: речитатив и ария. Речитатив — это пение, близкое к речи. В нём персонажи сообщают новости, спорят, задают вопросы, принимают решения. Он двигает действие вперёд. В некоторых операх XVIII века простое сопровождение ре-

читатива могло ограничиваться клавишным инструментом и басом; в других, особенно в напряжённых сценах, голос поддерживал оркестр. Поэтому речитатив мог быть то почти разговором, то драматическим событием.

Ария чаще задерживала время. Персонаж не столько сообщал, что происходит, сколько раскрывал, что чувствует. Страх, гнев, гордость, любовь или скорбь получали музыкальную форму, которую можно было рассмотреть, почти как портрет. Если речитатив отвечал на вопрос «что случилось?», то ария часто спрашивала: «что это значит для человека?»

Такое различие современному зрителю может показаться искусственным: почему герой начинает петь именно тогда, когда в жизни он должен был бы действовать? Но опера никогда не пыталась копировать повседневность буквально. Её условность была способом усилить переживание. Музыка растягивала мгновение, чтобы зритель успел услышать не только слова, но и их эмоциональный вес.

В опере-серии — «серьёзной опере», обычно с мифологическими или историческими сюжетами и героями высокого положения, — ария нередко становилась самостоятельным центром сцены. В старой традиции распространена была форма *da capo*: после контрастной середины исполнитель возвращался к начальной части. Этот возврат не означал механического повтора. Певец мог украшать мелодию пассажами, меняя её оттенок и демонстрируя мастерство. Публика

знала условность и ждала от артиста не только точности, но и изобретательности.

В начале XIX века итальянская опера часто выстраивала сцену сложнее: сначала возникала ситуация и эмоциональный поворот, затем следовала более лирическая часть, а после — быстрое и энергичное завершение. Такие формы давали певцу простор, а сцене — ясный ритм. Слушателю было понятно, когда герой размышляет, когда решается действовать и когда кульминация достигнута.

Но оперный вечер не сводился к череде сольных выходов. В ансамблях несколько персонажей могли петь одновременно, каждый выражая собственную мысль. Музыкальное переплетение показывало конфликт не словами рассказчика, а столкновением голосов. В финалах актов ансамбль часто разрастался: герои, свидетели и хор реагировали на одно событие по-разному. Особенно выразительно это развивалось в комической опере, где на сцене могли одновременно происходить недоразумения, ссоры и попытки всё скрыть.

Серьёзное, смешное и национальное

Опера-серия и опера-буффа — не две ступени развития, одна из которых якобы «выше» другой. Это разные театральные способы говорить о мире. Серия обращалась к правителям, героям и нравственному выбору; буффа — к семейным интригам, социальным ролям, хитрости слуг и человеческим слабостям. Комедия часто точнее, чем кажется, замечала устройство общества: тот, кто формально выше, не

всегда умнее, а слуга может лучше понимать происходящее, чем хозяин.

Кроме итальянских традиций существовали и другие. Во французской опере большое значение имели хор, балет и зрелищная постановка; позднее французская большая опера прославилась масштабными историческими сюжетами и размахом. Опера-комик, несмотря на название, не всегда была комедией: её отличительным признаком часто служили разговорные диалоги между музыкальными номерами. В немецком зингшпиле также использовались разговорные сцены, чередовавшиеся с песнями и ансамблями.

Это разнообразие важно помнить: «опера до Вагнера» — не единый стиль, застывший на одном месте. Композиторы по-разному распределяли музыку и речь, по-разному использовали хор и оркестр, по-разному строили отношения между сценой и публикой. Даже внутри одной страны нормы менялись.

К XVIII веку появились попытки изменить само соотношение элементов. Композитор Кристоф Виллибальд Глюк, например, стремился сделать музыку более тесно связанной с драматическим действием и возражал против того, чтобы виртуозность заслоняла смысл сцены. Его реформы не отменили арии и не уничтожили привычку наслаждаться красивым голосом. Они поставили новый вопрос: как сделать так, чтобы музыкальная форма помогала драме, а не отвлекала от неё?

У Моцарта, а позднее у Россини, Беллини и Доницетти, условности не исчезли, но стали материалом для тонких театральных решений. Музыкальная форма могла и поддерживать ожидание зрителя, и играть с ним. В ансамбле Моцарта персонажи не обязаны чувствовать одно и то же в одно и то же время. Россини мог строить нарастание напряжения так, что публика заранее ощущала приближение кульминации. В романтической итальянской опере всё больше значения приобретали индивидуальные оттенки голоса и драматическая судьба героя.

Звезда и её публика

Теперь вернёмся к певцу на сцене. Его появление ожидали не только потому, что персонаж наконец пришёл по сюжету. Зрители следили за тем, как артист владеет голосом: способен ли он взять высокую ноту, провести длинную фразу, выполнить трудный пассаж, сообщить словам страсть, не потеряв ясности. В XVIII веке особую славу получали певцы-кастраты; к эпохе Вагнера эта традиция уже уходила в прошлое, а центральные роли всё чаще связывались с женскими голосами и знаменитыми тенорами.

Система звёзд не была просто борьбой тщеславий. Она формировалась из вполне практических обстоятельств. Голос — инструмент живой, неотделимый от исполнителя. У каждой певицы и каждого певца были свои сильные стороны, свой тембр, диапазон, манера фразировки. Театр нанимал артистов, публика приходила на известные имена, а ком-

позитор мог сочинять или перерабатывать партии с учётом конкретного исполнителя.

Аплодисменты после арии в такой системе были не случайной помехой. Они сообщали артисту и театру, что музыкальный номер достиг цели. Иногда слушатели приветствовали не только персонажа, но и самого певца. Это могло нарушать непрерывность спектакля, если мерить её сегодняшним идеалом тёмного зала и полной тишины. Но тогдашняя публика участвовала в представлении открыто: одобряла, сравнивала, реагировала. Важной частью театрального события было не только то, что происходило на сцене, но и то, как зал отвечал сцене.

И всё же внутри этой системы нарастало напряжение. Чем сильнее ария превращалась в самостоятельный номер, тем острее становился вопрос: остановилось ли действие ради музыки — или музыка и есть само действие? Когда зритель ждёт виртуозного эффекта, может ли композитор потребовать от него другого внимания? Когда певцу нужно поклониться и принять аплодисменты, как сохранить иллюзию, что перед нами не артист на сцене, а человек, переживающий необратимое событие?

Как слушать эту оперу сегодня

Полезно не пытаться заранее «простить» старой опере её условности. Лучше понять, какую работу они выполняют. В следующий раз, когда вы слушаете оперу XVIII или XIX века, попробуйте пройти такой маршрут:

1. Найдите границу между речитативом и арией. Заметьте, где персонаж передаёт события, а где музыкальное время замедляется и раскрывает его внутреннее состояние.

2. Проследите за формой арии. Спросите себя, что изменилось при возвращении мелодии: настроение, слова, украшения, смысл решения.

3. Послушайте ансамбль не как «несколько голосов сразу», а как одновременные точки зрения. Кто знает больше? Кто ошибается? Кто пытается скрыть свои чувства?

4. Обратите внимание на реакцию зала в записи или на постановке. Аплодисменты — это часть истории спектакля, а не обязательно знак, что слушатели «не поняли» музыку.

Для сравнения можно взять три разные оперы: «Свадьбу Фигаро» Моцарта, «Севильского цирюльника» Россини и «Вольного стрелка» Вебера. Не нужно сразу разбирать всё произведение. Сравните, как в каждой опере музыка поддерживает действие, как устроены разговорные или речитативные сцены и когда голос становится центром внимания. Такой опыт помогает услышать не абстрактный «старый стиль», а конкретные решения композитора.

Опера до Вагнера была системой, в которой зритель знал, чего ждать: выразительного голоса, узнаваемой формы, яркого ансамбля, зрелищной сцены, возможности откликнуться. Эти ожидания не мешали музыке — они делали её понятной и желанной для публики. Но они же могли ограничивать

драматическую непрерывность. Сформировалась привычка воспринимать спектакль как последовательность ярких музыкальных событий: здесь слушать речь, здесь ждать арию, здесь приветствовать певца.

Вагнеру предстояло не просто отказаться от старых правил, а спорить с целым театральным миром — с его формами, привычками, экономикой и представлением о том, ради чего зритель приходит в оперу. Чтобы понять, откуда вырос этот спор и почему он оказался таким личным, теперь нужно обратиться к самому Вагнеру — к его детству, образованию и первым музыкальным опытам. Но прежде остаётся главный вопрос: что произойдет, если композитор решит, что зритель должен следить не за отдельными номерами, а за непрерывно развивающейся драмой?

Детство, образование и первые музыкальные опыты Рихарда Вагнера

Представим мальчика в дрезденском театре. В зале гаснет свет, оркестр настраивается, взрослые ждут знакомых голосов и любимых сцен. Мальчик пока не знает, что однажды будет сам распоряжаться всем этим: музыкой, словами, движением, тем, куда обращен взгляд зрителя. Но театр уже рядом с ним — не как отвлеченный памятник искусству, а как часть семейной жизни.

Это выразительная картина, но не документально засвидетельствованный отдельный вечер: мы не можем с уверенностью назвать точную дату первого похода Рихарда Вагнера в театр и восстановить, что именно он тогда увидел. Зато известно, что он рос в семье, тесно связанной со сценой, и провел детство в Дрездене, одном из важных театральных центров Германии. В этом сочетании — театрального быта, литературных увлечений и неравномерного музыкального обучения — и следует искать истоки его будущего призвания. Не готовую формулу музыкальной драмы, не пророческое озарение, а долгий процесс, в котором любопытство постепенно становилось ремеслом.

Семья, в которой театр был рядом

Рихард Вагнер родился в Лейпциге 22 мая 1813 года. Город переживал тяжелый период наполеоновских войн; в октябре здесь произошло крупное сражение, а через несколько недель умер отец Рихарда, Фридрих Вагнер. Мальчик был слишком мал, чтобы сохранить ясное воспоминание о нем. Его мать, Иоганна Розине, в 1814 году вышла замуж за Людвига Гейера и переехала с семьей в Дрезден.

Гейер был актером, художником и драматургом. Для ребенка он стал отчимом и важной фигурой дома, где сцена была не далекой роскошью, а частью повседневной реальности. Среди многочисленных братьев и сестер Рихарда тоже были люди театра: его сестра Розали стала актрисой, брат Альберт выступал как актер и певец. Домашняя среда, таким образом, могла дать юному Вагнеру не только зрительские впечатления, но и понимание того, что спектакль создают живые люди — с привычками, амбициями, усталостью и практическими заботами.

В 1821 году Гейер умер. Рихарду было восемь лет. Эта потеря важна не как простое объяснение будущего характера, а как факт его биографии: раннее детство мальчика прошло под знаком перемен — смерть отца, новый дом, затем смерть отчима. Не стоит превращать эти обстоятельства в психологический ключ, которым якобы открывается вся музыка Вагнера. Но они напоминают, что будущий композитор рос не в сказке о беззаботном вундеркинде. Его формировали конкретная семья, школьные трудности и необходимость при-

выкать к меняющемуся миру.

Иногда биографы обсуждают предположения о том, кем был биологический отец Вагнера. Для разговора о его детском развитии важнее другое: документально Гейер был его отчимом, близким взрослым и человеком театра. Позднейшие споры о происхождении не объясняют, как складывались его литературные вкусы или музыкальные навыки.

Краткая линия детства и обучения

Период

Событие

Почему это важно

1813

Рождение в Лейпциге; смерть отца через несколько месяцев

Начало жизни в большой семье, вскоре переехавшей в Дрезден

1814–1821

Жизнь с матерью и отчимом Людвигом Гейером

Близость к людям сцены и театральной среде

С 1822 года

Учеба в Дрездене, в том числе в школе Святого Креста

Школьная дисциплина соседствует с интересом к литера-

туре и театру

1827–1831

Возвращение в Лейпциг; занятия в городских школах, первые серьезные музыкальные уроки

Переход от мечты о драматургии к систематическому освоению музыки

1832–1834

Симфония до мажор, ранние оперные опыты, работа над «Феями»

Поиск собственного пути внутри уже существующих жанров

1833

Первое профессиональное назначение в Вюрцбурге
Музыкальное увлечение становится работой

Эта линия помогает ориентироваться, но сама по себе мало говорит о том, как формировался Вагнер. Для этого нужно смотреть не только на даты, но и на его ранние выборы.

Сначала — слова, сцена, герои

Будущему композитору с юности были близки литература и драматургия. Он читал Шекспира, Шиллера, Гёте, интересовался античными сюжетами. Важную роль в его литературном образовании сыграл дядя Адольф Вагнер, уче-

ный-филолог. В поздних воспоминаниях Рихард рассказывал о раннем увлечении греческими произведениями и о переводах Гомера. Такие рассказы следует принимать с осторожностью: их записал уже взрослый автор, оглядывавшийся на собственное детство. Но направление интереса сомнений не вызывает — юного Вагнера влекли характеры, конфликты и большие драматические события.

Подростком он взялся за трагедию «Лойбальд и Аделаида». Замысел был грандиознее умения его автора: в пьесе происходило так много смертей, что Вагнер позднее иронизировал над количеством персонажей, которых требовалось задействовать. В этом юношеском сочинении еще нет зрелого драматурга, но уже заметна важная черта: сюжет захватывает его не как аккуратная литературная конструкция, а как пространство сильных столкновений. Ему хотелось не просто рассказать о героях, а вообразить их на сцене.

Такой порядок — сперва сочинять пьесу, а потом думать о музыке — многое объясняет. Вагнер не пришел к опере исключительно через музыкальную форму. Ему было необходимо представлять, кто говорит, чего хочет, что мешает ему действовать и как зритель узнает о перемене. Театр приучал воображение мыслить движением и присутствием: герой не просто описан, он выходит на сцену; его слова произносятся здесь и сейчас; публика следит за реакцией других персонажей.

Однако было бы ошибкой заключить, будто уже в этих

детских опытах скрывалась готовая теория музыкальной драмы. Между юношеской трагедией и поздними операми лежат десятилетия работы, неудач и пересмотров. Ранний Вагнер только начинал выяснять, как именно музыка может служить драме и что для этого нужно уметь.

Музыка не дается сразу

Литературное воображение развивалось быстрее, чем профессиональное мастерство музыканта. Вагнер не был ребенком-виртуозом, который с первых лет поражал окружающих безупречной игрой. Его музыкальная подготовка складывалась постепенно. В Дрездене и Лейпциге он занимался музыкой, осваивал фортепиано и основы письма; позднее получил уроки у композитора и педагога Кристиана Готлиба Мюллера. Но ранние занятия не превратились в прямую, непрерывную консерваторскую траекторию.

Сильное впечатление на него произвел Бетховен. В своих поздних воспоминаниях Вагнер связывал с прослушиванием Девятой симфонии момент, когда ему захотелось стать композитором. Это важное свидетельство, но именно свидетельство, рассказанное задним числом: оно не доказывает, что после одного концерта Вагнер мгновенно изменил свою жизнь. Скорее, музыка Бетховена дала форму уже накопившемуся интересу — показала, насколько далеко может простираться музыкальное высказывание и какую силу способна иметь крупная форма.

В 1831 году Вагнер начал заниматься у Теодора Вайнлига,

руководителя хора церкви Святого Фомы в Лейпциге. Здесь музыкальная учеба стала заметно строже. Вайнлиг обучал его теории, контрапункту и композиции. Для будущего автора масштабных опер важно было не только вдохновение, но и знание ремесла: как строить музыкальную ткань, как вести голоса, как удерживать целое. Вагнер, позднее охотно подчеркивавший самостоятельность своего пути, получил вполне конкретную подготовку у опытного наставника.

При этом он не прошел длинной академической программы в том смысле, в каком ее представляли бы сегодня. В 1831 году он поступил в Лейпцигский университет, однако его образование не было равномерным курсом, шаг за шагом превращавшим ученика в профессионального композитора. Он сам искал учителей, пробовал писать и осваивал приемы, когда они становились необходимы для очередного замысла. Это не отменяет значения учебы. Напротив: она показывает, что талант без освоенного мастерства остается намерением.

Первые сочинения: поиски, а не готовый стиль

Первые музыкальные работы Вагнера — свидетельства ученичества. Он писал фортепианные пьесы, увертюры, камерную музыку. В 1832 году создал Симфонию до мажор, в которой слышно восхищение Бетховеном и стремление овладеть крупной инструментальной формой. Это еще не язык будущих музыкальных драм. Скорее, молодой композитор учится организовывать музыкальное движение в рамках уже существующей традиции.

Первый оперный опыт, «Свадьба», остался незавершенным. Вагнер работал над текстом в начале 1830-х годов, но, согласно его позднему рассказу, отказался от замысла после критики сестры Розали. Сам сюжет — мрачная история страсти и соперничества — показывает, что драматический конфликт продолжал занимать его сильнее, чем безмятежная музыкальная красота. Но решение остановиться тоже важно. Оно напоминает: молодой автор не просто шел напролом; иногда он сомневался, менял курс и отбрасывал начатое.

Затем появилась опера «Феи», созданная в 1833–1834 годах по мотивам пьесы Карло Гоцци. В ней есть волшебный мир, испытания и сильные эмоциональные повороты. Но музыка Вагнера здесь еще принадлежит немецкой романтической опере, связанной с традициями Вебера и Маршнера. В ней нет зрелой системы музыкальной драмы, которую слушатель узнает по поздним произведениям композитора. «Феи» — не пророчество, а серьезная проба сил: молодой автор ищет способ соединить фантастический сюжет с музыкой, которую он уже научился строить.

Полезно удерживать здесь два взгляда одновременно. С одной стороны, в ранних работах действительно видны постоянные интересы Вагнера: сцена, конфликт, необычный сюжет, связь музыки с действием. С другой — нельзя выдавать отдельные сходства за доказательство, будто поздний Вагнер уже целиком существовал в юноше. Стиль не был спрятан в детстве, как готовая рукопись в запертом ящи-

ке. Он складывался через чтение, наблюдение, музыкальную учебу и практику.

Три упражнения для внимательного слушателя

1. Составьте собственную карту влияний. Возьмите три категории: «что я читал», «что наблюдал», «чему учился». Запишите по несколько примеров в каждую, а затем спросите себя, какие навыки они могли развивать. Чтение драмы учит следить за конфликтом, наблюдение за театром — за действием и реакцией, занятия музыкой — за техникой. Такой способ размышления помогает избежать простой формулы «детское увлечение предопределило судьбу».

2. Послушайте увертюру к «Феям» или Симфонию до мажор. Не ищите в них заранее позднего Вагнера. Отметьте, где вы слышите знакомые музыкальные формы и где музыка словно предлагает представить сцену, персонажа или смену настроения. Затем спросите: что в этом сочинении уже связано с театром, а что пока живет по законам инструментальной музыки?

3. Попробуйте короткий драматический этюд. Придумайте сцену из двух персонажей: одному нужно добиться своего, другой мешает. Сначала запишите только действие и реплики. Затем вообразите, каким звуком можно подчеркнуть паузу, появление героя или изменение решения. Это не упражнение на «подражание Вагнеру», а способ почувствовать, почему соединить слово, сцену и музыку труднее, чем просто положить мелодию на текст.

Подростковая мечта Вагнера о драме постепенно встрети­лась с профессиональной необходимостью. В 1833 году он получил должность хормейстера в Вюрцбурге — первое важное назначение, связанное с театральной работой. Теперь музыка была не только предметом уроков и собственных опытов: он должен был участвовать в подготовке спектакля, работать с исполнителями и отвечать за результат. Это начало взрослого профессионального пути, который уже не мог держаться на одном воображении.

Оглядываясь на его детство, легко поддаться соблазну увидеть в каждом событии подготовку к великой карьере. Но биография убедительнее, когда мы не превращаем ее в легенду. Вагнер родился в семье, где театр был близок; рано потерял отца и отчима; увлекся литературой и сочинял пьесы; учился музыке неравномерно, но затем нашел строгого наставника; пробовал себя в разных жанрах и постепенно входил в профессию. Ни один из этих фактов в одиночку не объясняет его будущего искусства. Значение имело их соединение.

Именно поэтому первый этап пути Вагнера следует понимать не как историю предре­шенного гения, а как историю складывания способностей. Театральное воображение дало ему сцену, чтение — конфликты и героев, музыкальное обучение — средства, без которых замысел нельзя воплотить. Когда юный композитор впервые получил ответственность за реальную театральную работу, его ранние интересы нача-

ли превращаться в решения. Впереди были постановки, политические потрясения, восстание в Дрездене и долгие годы изгнания — испытания, в которых ему предстояло заново определить и свою профессию, и собственное место в мире.

Революционер и композитор: ранние постановки, Дрезденское восстание и годы изгнания

19 октября 1845 года в Королевском придворном театре Дрездена состоялась премьера «Тангейзера». Рихард Вагнер стоял за дирижёрским пультом: следил за певцами, оркестром, темпом, сценическим действием — за тем, чтобы замысел выдержал встречу с живым театром. Чуть меньше чем через четыре года тот же город будет слушать совсем другие звуки: выстрелы, тревожные возгласы, грохот баррикад. Между этими двумя Дрезденами — театральным и восставшим — проходит один из самых драматичных отрезков его жизни.

Однако Вагнер не превратился в революционера за одну ночь, а его искусство не возникло из политики по простому закону причины и следствия. Чтобы понять, что произошло, нужно пройти вместе с ним через три пространства: сцену, улицу и изгнание.

Театр: профессия, а не предисловие к гению

До Дрездена Вагнер уже знал оперную жизнь не только со стороны партитуры. В Магдебурге он работал музыкальным руководителем, репетировал с труппой и в 1836 году поставил собственную оперу «Запрет любви». Постановка прошла

неудачно: театр испытывал трудности, а исполнители и обстоятельства не всегда соответствовали амбициям автора. В Риге Вагнер вновь занимался повседневной работой музыкального директора. Здесь он узнал, что спектакль зависит не от одной вдохновенной мысли, а от расписаний, денег, певческих возможностей, оркестровой дисциплины и решений администрации.

Это была школа, которую позднее легко заслонить образом великого реформатора. Но театр не служил Вагнеру лишь ступенью к будущим шедеврам. Он был его профессией и одновременно системой, от которой композитор зависел. Даже тот, кто мечтает изменить правила, сначала вынужден работать внутри них.

В 1839 году Вагнер покинул Ригу, спасаясь от долгов, и через Париж добрался до Германии. Парижский период оказался тяжёлым: он зарабатывал музыкой и литературными работами, но не получил ни устойчивого положения, ни крупного успеха. Перелом наступил в Дрездене. 20 октября 1842 года там с большим успехом прошла премьера «Риенци» — масштабной оперы, требовавшей многочисленных исполнителей и больших театральных ресурсов. 2 января 1843 года публика увидела «Летучего голландца». В том же году Вагнер получил должность придворного капельмейстера Саксонии.

Это назначение означало не только престиж. Оно приносило ответственность за репетиции, постановки и исполне-

ние произведений других композиторов. Вагнеру приходилось быть не только автором, но и организатором театрального процесса. Он знал сцену изнутри: видел, как музыкальный замысел меняется под давлением практики, как певческий голос диктует свои условия, а придворная институция защищает привычный порядок.

В «Тангейзере» Вагнер пытался теснее связать музыку с драматическим действием. Но премьера не стала безоговорочным триумфом. Новая форма встречала сопротивление, а сам спектакль ещё не совпадал во всём с тем, каким его хотел видеть композитор. Позднее Вагнер не раз возвращался к произведению и изменял его. Это важная деталь: его реформа не свершилась в один жест и не была заранее готовой доктриной. Она вырастала из столкновения замысла с театром, а затем — из анализа того, что на сцене получилось, а что нет.

Улица: революция 1848–1849 годов

В 1848 году волна революций прокатилась по Европе. В разных странах люди требовали конституционных прав, свободы печати, национального объединения и участия в управлении. Германские земли оставались раздробленными; Франкфуртское национальное собрание пыталось определить будущее единой Германии. Для многих современников это было время, когда политический порядок, казавшийся вечным, внезапно стал предметом открытого спора.

В Саксонии кризис обострился весной 1849 года. Король

Фридрих Август II отверг конституцию, принятую Франк-фуртским собранием, а конфликт вокруг представительства и власти перерос в уличные столкновения. 3 мая началось Дрезденское восстание. Королевская семья покинула город; в борьбе участвовали местные повстанцы, а на стороне властей действовали саксонские и прусские войска. К 9 мая сопротивление было подавлено.

Вагнер оказался среди тех, кто приветствовал революционный разрыв со старым порядком. Он был связан с радикальными кругами Дрездена, общался с редактором и политическим деятелем Августом Рёкелем, а также с Михаилом Бакуниным. В газетных статьях и выступлениях он рассуждал о свободе, обществе и обновлении искусства. В его представлении политическое освобождение и преобразование культуры соприкасались: новый общественный мир должен был, как ему казалось, породить и новое искусство.

Но важно не превращать это сближение в красивую легенду о композиторе, который будто бы один вышел на баррикаду с партитурой в руках. Вагнер не руководил восстанием и не определял ход военных событий. Свидетельства современников и позднейшие рассказы расходятся в деталях его участия. По некоторым свидетельствам, во время боёв он наблюдал за движением войск с башни Кройцкирхе и передавал сведения; известно также о его участии в революционной среде и практической агитационной деятельности. Но его роль нельзя приравнивать к роли тех, кто организовывал

вооружённое сопротивление или принимал решения от имени повстанцев.

Тут полезно различать три типа свидетельств. Есть документы времени — например, полицейские материалы и официальные объявления; они дают факты, но отражают взгляд властей. Есть воспоминания участников, написанные позже и подверженные ошибкам памяти. Наконец, есть собственные рассказы Вагнера о себе. Свою автобиографию он диктовал уже в зрелые годы, когда прошлое неизбежно складывалось для него в драматический сюжет. Его воспоминания ценны, но не всегда равны нейтральному протоколу.

Революционные взгляды Вагнера тоже не следует упрощать. Он стремился к радикальному обновлению, однако его политические представления не были последовательной программой современной демократии. В них соседствовали надежда на освобождение общества и грандиозные, порой туманные ожидания нового национального и художественного единства. А его тексты периода изгнания показывают, что призыв к переменам не означал открытости и равноправия во всех вопросах. В 1850 году под псевдонимом К. Фрайгеданк он опубликовал эссе «Еврейство в музыке», построенное на враждебных антисемитских стереотипах; позднее, в 1869 году, расширил и напечатал его уже под своим именем. Это не нужно ни вырывать из контекста эпохи, ни оправдывать им: перед нами свидетельство предрассудков самого Вагнера.

После поражения восстания положение композитора стало опасным. Ордер на его арест был выдан в мае 1849 года. Вагнер покинул Дрезден и направился в Веймар, а затем — в Швейцарию. Практическую помощь ему оказал Ференц Лист, поддержавший беглеца и помогший ему добраться до безопасного места. Минна присоединилась к мужу позднее. Начинался долгий период, когда Вагнер не мог свободно вернуться к прежней работе в Саксонии и ставить собственные произведения на привычной сцене.

Изгнание: потеря сцены и новая мастерская мысли

С 1849 года центром жизни Вагнера стал Цюрих, хотя в последующие годы он жил и в других местах, в том числе в Вене и Париже. Изгнание означало не романтическое уединение творца, а реальный разрыв с профессией. Композитор лишился должности, устойчивого заработка и прямого доступа к театру. Он по-прежнему нуждался в исполнителях, сцене и деньгах, но теперь не мог распоряжаться ими даже в пределах своей придворной службы.

Жизнь в Швейцарии держалась на круге знакомств, издательской работе, частной поддержке и надежде на будущие постановки. Важным покровителем стал предприниматель Отто Везендонк; в Цюрихе Вагнер общался также с поэтами, музыкантами и политическими знакомыми. Позднее семья Везендонков предоставила ему жильё неподалёку от своего дома. Эти связи помогали, но не превращали изгнание в беззаботную творческую резиденцию. Отношения Ва-

гнера и Минны оставались трудными; материальная зависимость и неопределённость будущего постоянно вторгались в повседневность.

Вынужденное отсутствие в театре подтолкнуло Вагнера к работе другого рода. В эссе «Искусство и революция» и «Художественное произведение будущего», опубликованных в 1849 году, он размышлял о связи искусства с обществом. В 1850–1851 годах появилась «Опера и драма» — масштабная попытка объяснить, почему привычное разделение на эффектный номер, красивую мелодию и сценическое действие, по его мнению, мешает целостному драматическому замыслу.

Здесь проявляется парадокс изгнания. Вагнер лишился сцены, но именно это отсутствие дало ему пространство для анализа сцены. Пока он не мог регулярно проверять свои идеи в театре, он формулировал их на бумаге. Теоретические тексты стали своего рода мастерской: в них композитор разбирал старую оперную систему и воображал новую. При этом они не были универсальными инструкциями, не зависящими от времени. Это были аргументы автора, который спорил с конкретным театральным миром и пытался отстоять собственное понимание драмы.

Рядом с Фейербахом, чьи идеи тогда сильно повлияли на Вагнера, постепенно возник другой важный собеседник — философ Артур Шопенгауэр. В 1854 году Вагнер прочёл его главный труд «Мир как воля и представление». Это

чтение изменило интеллектуальный тон композитора: в его размышлениях усилилось внимание к страданию, желанию и невозможности простого земного счастья. Однако и здесь неверно говорить, будто философия автоматически «объяснила» будущую музыку. Она дала Вагнеру новый язык для осмысления уже волновавших его вопросов, а не готовую партитуру.

Творческая работа не остановилась. «Лоэнгрин» был завершён в 1848 году, ещё до восстания, но поставить его в Саксонии после бегства автор не мог. Премьеру в Веймаре организовал Лист 28 августа 1850 года; Вагнер находился в изгнании и не присутствовал. Этот эпизод особенно ясно показывает цену разрыва: произведение уже существует, но автор не может сам войти в зал и увидеть, как оно работает на сцене.

Параллельно менялся масштаб замыслов. В 1848 году Вагнер начал работу над текстом «Смерти Зигфрида», который со временем разросся в замысел «Кольца нибелунга». Сначала он искал, как рассказать историю героя; затем понял, что для неё требуется предыстория, целая цепь драм. В 1850-е годы он расширял и переосмыслял этот проект, но его музыкальное воплощение ещё было впереди. Изгнание не породило «Кольцо» одним политическим толчком; оно предоставило время и расстояние, в которых замысел смог стать масштабнее.

В 1857 году Вагнер начал работу над «Тристаном и Изоль-

дой», уже в иной интеллектуальной и личной атмосфере. К этому времени он пережил годы политического поражения, зависимости от покровителей и сложных отношений с близкими. Всё это составляет контекст, но не подменяет анализа партитуры. Музыка не является зашифрованной биографией: она использует собственные средства, формы и напряжения, даже если жизнь даёт ей материал для размышления.

Практика читателя: три пространства, три вопроса

Чтобы не сводить историю Вагнера ни к легенде о гении, ни к политической хронике, попробуйте небольшое упражнение.

1. Сопоставьте театр и улицу. Послушайте увертюры к «Риенци» и «Тангейзеру». Отметьте, где музыка стремится к широкому публичному жесту, а где сильнее ощущается драматический конфликт. Не ищите прямого «отражения революции» — наблюдайте, как композитор организует напряжение.

2. Проверьте свидетельства. Выберите один эпизод участия Вагнера в событиях мая 1849 года и разделите сведения на три группы: документы времени, воспоминания современников, поздние рассказы самого композитора. Спросите себя, что каждая группа может подтвердить и чего подтвердить не может.

3. Услышьте цену изгнания. Найдите запись «Лоэнгрина» и вспомните, что автор не присутствовал на премьере. Представьте не романтическое одиночество, а конкретный

разрыв: произведение нуждается в сцене, но создатель отделён от неё границами и политическим ордером.

В 1862 году амнистия в Саксонии позволила Вагнеру вернуться, но прежняя жизнь придворного капельмейстера не восстановилась. Формально изгнание отступало; творчески же композитор уже изменился. Театр научил его ремеслу и показал пределы институции. Улица сделала политический разрыв личным и необратимым. Изгнание лишило его обычной сцены, но открыло время для нового осмысления того, чем опера может стать.

Эти три пространства не складываются в простую формулу: революция не «создала» вагнеровский стиль, а изгнание не было благословением, замаскированным под несчастье. Оно было и тяжёлым жизненным ударом, и периодом напряжённой интеллектуальной работы. Именно теперь стоит перейти от обстоятельств к музыке — к тому, как в «Летучем голландце» и «Лоэнгрине» постепенно складывается новый язык сцены.

От «Летучего голландца» до «Лоэнгрина»: рождение вагнеровского стиля

Однажды попробуйте поставить рядом два оркестровых вступления. В «Летучем голландце» музыка словно распаивает дверь в шторм: ветер рвёт паруса, море бросает корабль, из звуковой темноты возникает обречённый скиталец. В «Лоэнгрине» перед нами совсем иной мир: высокие, почти невесомые звуки струнных постепенно складываются в сияние. Кажется, что на сцену ещё никто не вышел, а музыка уже сообщила главное: сейчас в обыденную жизнь проникнет нечто нездешнее.

Между этими двумя картинками — всего несколько лет работы, но целая перемена театрального мышления. Вагнеровский стиль не возник готовым и не сводится к единому секрету вроде «длинных мелодий» или «громкого оркестра». Он формировался постепенно: композитор учился связывать сценическое действие, музыкальную память и ожидания слушателя. Чтобы услышать этот путь, полезно сравнивать не оперы целиком, а отдельные сцены: кто чего хочет, что делает музыка и как оркестр помогает услышать то, чего персонажи ещё не произнесли.

Сначала — не стиль, а поиск

Хронология здесь важна, но может сбить с толку. «Риенци» был написан раньше «Летучего голландца», однако первой на сцене появилась именно эта большая опера: её премьера состоялась в Дрездене в 1842 году. «Голландец», созданный в 1840–1841 годах, был поставлен там в январе 1843-го. «Тангейзер» впервые прозвучал в Дрездене в 1845-м. Музыку «Лоэнгрина» Вагнер завершил в 1848 году, но премьеры пришлось ждать до 1850-го: в Веймаре оперу поставил его друг и сторонник Ференц Лист, тогда как сам композитор находился в изгнании.

Эта последовательность показывает не внезапное изобретение нового жанра, а ряд опытов. В «Риенци» Вагнер работал внутри традиции большой исторической оперы: масштабные хоровые сцены, эффектные выходы, контраст публичного зрелища и личных переживаний. Герой стремится стать освободителем Рима, а музыка часто выстраивает его путь как череду крупных завершённых эпизодов. Ария, хор или ансамбль обладают собственной формой и точкой завершения. Оркестр поддерживает действие и придаёт ему блеск, но ещё не становится постоянным комментатором скрытой жизни героев.

Это не недостаток, который Вагнеру предстояло «исправить». Так работала театральная система его времени, о которой шла речь в первой главе. Важно другое: композитор не отказался от неё одним решением. Он постепенно менял функции привычных элементов — арии, хора, оркестрово-

го вступления, перехода между сценами. И уже в «Риенци» слышно, что его привлекает не только судьба отдельного героя, но и столкновение человека с коллективной силой — толпой, городом, историей.

«Летучий голландец»: легенда входит в сознание героини

В основе «Летучего голландца» — легенда о капитане, обречённом вечно скитаться по морям. Раз в семь лет ему разрешено сойти на берег; спасение возможно, если найдётся женщина, которая будет верна ему до смерти. На Вагнера повлияли и пересказ легенды Генрихом Гейне, и собственное морское путешествие 1839 года. Но превращение предания в драму произошло благодаря Сенте.

Сначала история Голландца звучит не как объективная справка, а как навязчивая мечта девушки. В балладе Сенты — «Johohoe! Traft ihr das Schiff im Meere an» — рассказ о проклятом капитане превращается в её личную одержимость. Сента не просто знает легенду: она узнаёт в ней предназначение, которому готова отдать жизнь. Поэтому, когда Голландец появляется перед ней, встречаются уже не только два персонажа. На сцене сталкиваются мечта, страх и реальный человек, которому эта мечта обещает спасение.

Послушайте балладу, а затем сцену встречи Сенты с Голландцем. В первом эпизоде история как будто собирается внутри героини; во втором оркестр помогает превратить внутреннее ожидание в событие. Повторяющиеся музыкаль-

ные мысли — связанные с морем, Голландцем, Сентой и надеждой на избавление — начинают напоминать слушателю о сказанном раньше. Однако важно не представлять эту систему как готовый словарь, где каждому персонажу уже назначен неизменный музыкальный знак. В «Голландце» мотивы повторяются и помогают удерживать драматическую память, но ещё не образуют позднюю, разветвлённую сеть лейтмотивов.

Полезно представить музыкальную тему как персонажа. Она может вернуться, когда герой молчит, и напомнить о его прошлом или о цене выбора. Иногда повторение звучит почти так же, как прежде; иногда меняются его окружение, темп, громкость — и вместе с ними меняется смысл. Для слушателя это похоже на встречу со знакомым человеком в новой обстановке: лицо то же, но теперь мы знаем о нём больше.

Оркестровое вступление к «Летучему голландцу» особенно важно именно как подготовка слуха. Оно не просто создаёт погоду перед поднятием занавеса. Штормовая энергия и возвращающиеся музыкальные мысли заранее вводят нас в мир, где море — не декорация, а сила, определяющая человеческую судьбу. При этом опера сохраняет привычные музыкальные формы: можно выделить отдельные номера, хоры, ансамбли. Новизна не в том, что старые формы исчезли, а в том, что их всё сильнее связывает общая драматическая память.

«Тангейзер»: конфликт слышен прежде, чем разрешён

В «Тангейзере» Вагнер делает следующим шагом само музыкальное столкновение миров. Герой переживает искушение Венеры, но не может остаться в её царстве удовольствия. Он возвращается к людям и оказывается среди певцов Вартбургского двора. Музыка здесь не просто сопровождает его метания — она помогает различить силы, которые тянут его в разные стороны.

Уже увертюра строится на резком контрасте. В ней слышится паломнический хорал, связанный с духовным миром, и бурное, чувственное движение, напоминающее о царстве Венеры. Не обязательно знать сюжет, чтобы уловить противопоставление: одна музыкальная стихия движется к собранности и устойчивости, другая кружит, ускоряется, захватывает. «Хроматические» ходы — движения между близкими звуковыми ступенями — добавляют чувственному эпизоду неустойчивость, словно почва под ногами слегка уходит.

Особенно наглядно конфликт разыгрывается во втором акте, во время состязания певцов. Тангейзер должен прославить любовь в придворном кругу, где от неё ждут возвышенного, почти отвлечённого воспевания. Но его ответ постепенно срывает условность ритуала: он открыто провозглашает пережитую страсть к Венере. Сначала сцена сохраняет порядок публичного состязания, затем музыка и слова героя выводят его за принятые рамки. Важна не только ме-

лодия, но и то, как на неё реагирует окружающий мир: хор и ансамбль становятся участниками конфликта, а не просто украшением сцены.

И всё же «Тангейзер» не отменяет традиционные оперные формы. У героев есть самостоятельные песни и арии; хорошие эпизоды сохраняют ясные границы. Например, знаменитая песня Вольфрама «O du mein holder Abendstern» — законченный лирический номер. Но теперь отдельная песня входит в более широкую драматическую конструкцию: слушатель помнит, что происходит вокруг неё, и слышит, как внутреннее состояние героя соотносится с прежними музыкальными контрастами.

Ещё одна важная сцена — возвращение Тангейзера из Рима. Он рассказывает о паломничестве, которое не принесло ему прощения. Его повествование можно воспринимать как самостоятельный большой вокальный эпизод, но драматическая сила возникает из связи личного рассказа с уже знакомой темой паломников и с ожиданием искупления. Герой возвращается домой не победителем и не избавленным от вины. В финале расцветший посох становится знаком милости, но для самого Тангейзера этот знак приходит слишком поздно. Музыка связывает надежду и катастрофу, не превращая их в простое счастливое разрешение.

Здесь полезно помнить о редакциях. После дрезденской премьеры Вагнер продолжал менять оперу; особенно существенные изменения связаны с парижской постановкой 1861

года, для которой была расширена музыка царства Венеры и добавлен балет. Поэтому записи и постановки могут заметно различаться. Если вы хотите услышать раннюю стадию вагнеровского стиля, стоит сначала выяснить, какую редакцию исполняют.

«Лоэнгрин»: тайна становится частью музыкальной формы

В «Лоэнгрине» действие строится вокруг запрета, который невозможно долго соблюдать: Эльза не должна спрашивать рыцаря, откуда он пришёл и как его зовут. Лоэнгрин спасает её, но его помощь связана с условием, требующим доверия без знания. Для Вагнера это сюжет не только о чудесном незнакомце, но и о границе между человеческим желанием понять и миром, который открывается лишь частично.

Первое вступление к опере не изображает шторм, как в «Летучем голландце». Прозрачные высокие звучания струнных создают впечатление удалённого света. Вагнер связывал эту музыку с явлением и вознесением Грааля. Мы слышим не бытовую обстановку, а присутствие невидимого мира — ещё до того, как персонажи начинают говорить. Оркестр задаёт не место действия, а способ его воспринимать.

Затем Эльза рассказывает о сне и о рыцаре, который придёт её защитить. Эта сцена важна потому, что героиня верит в появление Лоэнгрина ещё до его прихода. Когда рыцарь действительно появляется, музыка связывает её пред-

чувствие с тем, что происходит на сцене. Слушатель может уловить знакомые звуковые мысли и почувствовать: перед нами не случайный спаситель, а исполнение ожидания, подготовленного заранее. При этом опера сохраняет ясные оперные формы: рассказ Эльзы остаётся выразительным вокальным номером, а сцена прибытия содержит торжественный хор и отдельные ансамблевые эпизоды.

В третьем акте тайна становится не просто предметом сюжета, а условием, которое управляет музыкальным движением. Эльза задаёт запрещённый вопрос. Лоэнгрин отвечает песней «In fernem Land» — рассказом о Граале, своём происхождении и имени. Это почти идеальный пример того, почему нельзя утверждать, будто Вагнер просто отказался от арий. Перед нами большая, ясно очерченная вокальная форма. Но её драматическая роль необычна: она не прерывает действие ради отдельного концертного номера, а составляет сам ответ, которого сцена ждала и которого Эльза боится.

Постепенно становится слышно, насколько далеко музыка ушла от простого сопровождения. Она напоминает о предшествовавшем, создаёт ожидание и помогает связать сцену с невидимой историей Грааля. Но и «Лоэнгрин» ещё не является полностью сложившейся зрелой музыкальной драмой. В нём остаются традиционные арии, хоры, ансамбли и отчётливое деление на акты. Изменяется не наличие этих форм, а их положение внутри общего потока: оркестр всё увереннее соединяет эпизоды и удерживает то, что персонажи не могут

или не хотят высказать.

Сравнительная карта: следим за героем, оркестром и действием

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.